Из писем в редакцию

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КРИЗИС НАУКИ И НОВЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО УЧЕНОГО*

Ю.М. Плюснин

В последние одно-два десятилетия стала расхожей тема кризиса науки. Обычно имеется в виду теоретико-познавательный кризис естествознания (чрезмерная реляционность социальных и гуманитарных наук всегда заставляет откладывать их рассмотрение на “потом”). В то же самое время тема кризиса науки как социального института обсуждается мало. И даже теперь, когда мы наблюдаем, как общество все более отворачивается от науки, еще недавно вознесенной на вершины социального престижа, мы по-прежнему склонны рассматривать этот процесс как временный и обратимый, а причины его искать в общем экономическом и политическом кризисе в стране. Так ли это?

Представление, согласно которому имеет место не только познавательный, но и институциональный кризис науки, видится мне, к сожалению, более реалистичным. Конечно, на первый взгляд этот процесс ка-

* Статья подготовлена в рамках работы по исследовательским проектам Российского гуманитарного научного фонда “Влияние формирования демократических институтов на развитие академической науки в России и на Западе (опыт сравнения)” (проект № 02–03–18285а), “Региональные научные центры: условия выживания и жизнедеятельности, факторы стабилизации и самоорганизации” (проект № 01–03–00152а), “Социально-психологические и организационные факторы в развитии академической и вузовской науки Западной Сибири” (проект № 03–03–18020е), а также Российского фонда фундаментальных исследований “Наука в ценностном измерении” (проект № 02–06–80481а).

© Плюснин Ю.М., 2003

Created with novaPDF Printer (www.novaPDF.com)

жется слишком поспешным. Едва утвердившись к концу XIX в. в качестве полноправного социального института, а к середине XX в. окончательно укрепив свои общественные позиции, наука всего через 50 лет обнаружила в своем вполне благополучном развитии некие новые пятна, угрожающе похожие на признаки деградации и возможного разрушения. Но может быть, это преждевременное беспокойство и страхи необоснованны? Экономические трудности будут преодолены, а вместе с этим исчезнут и проблемы научного сообщества, которые замедлили поступательное до того движение? Как бы не так! Мы должны признать, что наблюдаем не только внешние по отношению к институту науки признаки инволюционного развития, но и признаки внутренней трансформации, происходящей в самом теле научного сообщества. Их уже нельзя классифицировать как обратимые адаптации. Это *метаморфозы:* научное сообщество приобретает все более отчетливые новые формы, которые указывают на то, что под ними скрывается и новый образ.

Не являемся ли мы очевидцами зарождения новой науки, по крайней мере в каких-то новых институциональных формах? Ответ, по-видимому, скорее положительный, чем отрицательный. В таком случае необходимо определить, в каких мировоззренческих и поведенческих формах проявляются изменения и каков абрис возможного нового социального облика науки. Обсуждение этих вопросов в данной работе я ограничу только одним аспектом изменений: проблемой трансформации социально-профессиональных ценностных установок в сообществе ученых. Я полагаю, что именно эти изменения являются пусковым механизмом для более инерционных институциональных трансформаций.

Внешними признаками институционально укорененной науки могут служить позиции, которые занимают в обществе члены профессионального научного сообщества. По крайней мере пять таких признаков свидетельствовали о высоком статусе науки в нашем обществе еще десятилетие назад: 1) высокий – и активно поддерживаемый – престиж профессии ученого в глазах большинства общества; 2) экономическая обеспеченность представителей научных профессий; 3) высокий социальный статус ученых; 4) участие ученых в управлении обществом – доступ если не к рычагам власти, то к рычагам влияния на власть; 5) чрезвычайно возросший мировоззренческий и идеологический авторитет научного знания, заместившего собой авторитеты “Неба”, “Земли” и “Царства” (институтов церкви, локального социального “мира” и государства). Другими словами, сообщество профессиональных ученых располагалось в элитной страте общества. В результате, поскольку высокий ста-

Created with novaPDF Printer (www.novaPDF.com)

тус социально-профессиональной группы предполагает и вектор интенсивной вертикальной социальной мобильности, были созданы надежные “фильтры” социально-профессионального отбора и механизмы контроля и регуляции.

Экспликация системы профессиональных и социальных ценностей в первую очередь указывает на принадлежность человека к конкретной страте. Чтобы удовлетворить требованиям социального института, относящегося к элитной страте, члены научного сообщества должны принимать и разделять как социально инвариантные ценности, сложившиеся в процессе институционального развития современного естествознания, так и привнесенные извне идеологически мотивированные ценности конкретного общества. Если разложить систему ценностей на подгруппы ценностей институциональных, профессиональных, социальных и индивидуальных, то в каждой из них можно было указать на главнейшие ценности, определяющие установки и поведение ученого, причисляющего себя к мировому научному сообществу. С моей точки зрения, критически важными ценностями сообщества, каким оно сложилось к середине XX в., являются сциентизм и самоценность науки и научной деятельности, принцип полного самопожертвования ради науки, методологический и познавательный корпоративизм, примат внутренней экспертизы достоверности научного знания.

Эти ценностные принципы в совокупности с другими принципами (прежде всего организационными, законодательно заложенными в фундамент института науки в первые 20 лет Советской власти, и идеологическими, среди которых определяющим стал принцип *Пользы* для общества в лице государства, но не декларируемый принцип *Истины*) в решающей степени способствовали развитию социального института науки в нашей стране по тому самому пути, который когда-то Ф. Бэкон наметил для науки в качестве идеального. Это формирование замкнутой элитной страты – научного Ордена, или Гильдии ученых. В соответствии с указанными принципами были сориентированы поведенческие и психологические стереотипы членов научного сообщества. Сформировались установки и психология, которую можно было бы назвать *цеховой* (вкладывая в это понятие позитивный смысл, заключающийся прежде всего в беззаветной верности профессии, концентрации на деятельности по “производству научного знания”, ориентации на внутренние, а не на внешние критерии признания профессиональных достижений, замкнутости социально-профес-

Created with novaPDF Printer (www.novaPDF.com)

сиональной жизни рамками своей страты) [1]. Эта цеховая психология и репрезентирующие ее ценностные установки замкнутой Гильдии ученых, а также соответствующие модели поведения были воплощены в идее *наукоградов* (и primus inter pares в этом, теперь уже длинном, ряду – новосибирский Академгородок), в которых они и получили максимально полное развитие. (Может быть, поэтому нам так трудно оценивать метаморфозы своего развития, глядя на этот процесс изнутри? Это вечный вопрос о том, насколько гусеница бабочки представляет свою окончательную форму.)

Разразившийся в стране в 90-х годах системный кризис крайне болезненно сказался на институте науки. И дело даже не в общеизвестных экономических трудностях и потерях, а в изменении глобальных ориентиров. Государство в союзе со всем обществом быстро и радикально изменило целевые установки в отношении науки. Элитный статус этого социального института стал быстро понижаться (а акции в СМИ и волна паранаучной активности сильно способствовали ускорению этого падения). Приходится признать, что менее чем за десятилетие наука покинула элитную страту общества. По всем основным признакам произошло быстрое перемещение института науки в нижние слои социальной структуры: упал престиж профессии ученого, резко снизился его социальный статус, произошла экономическая пауперизация ученых, сократились до минимума их участие во власти и возможности влияния на управление обществом.

Одновременно с этим мы наблюдаем трансформацию ценностных установок в научном сообществе. Хотя при этом нельзя говорить о массовом однонаправленном смещении социально-профессиональных ценностей, – трансформационный процесс идет в двух несмежных направлениях. В одном случае это *размывание* ценностных установок классической науки, сопровождающееся маргинализацией части научного сообщества. Во втором случае речь должна идти уже о *ценностном расщеплении* – раздвоении некогда монолитного научного сообщества на ощутимо разные части. Части, в явной форме демонстрирующие приверженность разным, если не полярным, ценностным установкам и, возможно, разной идеологии. Я имею в виду прежде всего зафиксированные мною в 1996 г. в сообществе ученых Новосибирского научного центра СО РАН феномен маргинальных ценностных установок “лишних людей в науке” [2] и полученные в последнее время данные о расщеплении системы ценностных установок ученых на классические “цеховые” и неклассические “презентационные” [3].

Created with novaPDF Printer (www.novaPDF.com)

В случае процесса маргинализации ценностных установок в академическом научном сообществе сформировалась и стабилизировалась достаточно значительная (до 15% и более) группа, которая по своим профессиональным, социальным и мировоззренческим установкам во многом противостоит той – все еще преобладающей по численности (более половины) – группе ученых, которые разделяют ценности *классической* науки и образуют ядро профессионального академического сообщества. “Лишние люди в науке” – это те, кто сам себя признает, если не по профессиональным, то по мировоззренческим и смысложизненным критериям, непригодным к деятельности в науке, по крайней мере в тех ее организационных формах, которые имплицитно считаются классическими. Этот феномен, по-видимому, распространен повсеместно: “лишние люди” есть во всех академических сообществах – от Санкт-Петербурга и Новосибирска до Томска и Хабаровска. При этом в течение всей второй половины 90-х годов и вплоть до 2002 г. маргинальная группа в научном сообществе остается стабильной; несмотря на то что ученые, причисляющие себя к ней, уже не разделяют установок классической науки, они и не покидают ее. И процентное соотношение групп “истинных” ученых и “лишних людей” в составе академического сообщества не изменяется. В простейшем случае все это свидетельствует о том, что часть научного сообщества устойчиво изменила свои профессиональные ценностные установки, а само это сообщество уже перестало быть *классическим* в прежнем смысле слова. В нашем научном сообществе теперь существует “пятая колонна” – люди, открыто признающие себя маргиналами в науке, по крайней мере в том смысле, что они уже не уверены в необходимости идти по проложенному когда-то столбовому пути.

Но помимо этого не столь явного дизруптивного процесса – именно потому, что он не разрушает, а размывает внутреннее мотивационное и социальное единство профессионального сообщества, – мы становимся свидетелями начинающего набирать силы еще одного феномена в области социальной психологии и ценностных установок ученых. В данном случае формируется и набирает силу новый стиль поведения (и соответствующие установки) в рамках самого научного сообщества. Ученый продолжает признавать себя полноправным членом сообщества, но при этом он действует в соответствии с новыми принципами и ценностными установками, тем самым задавая и формируя новый образ науки как социального института. Происходит процесс формирования *нового идеального типа* ученого. Ему соответствует и новый стиль профессио-

Created with novaPDF Printer (www.novaPDF.com)

нального поведения ученого: если раньше образцом классического ученого являлась деятельность по “поиску и производству нового знания”, а следовательно, основной продукцией была научная статья, то теперь для части академических ученых (часть эта в академическом сообществе уже никак не меньше 5%), возможно, не менее важным становится презентация полученных новых знаний, успешность которой зависит не только от оценки со стороны профессионального сообщества, но и от публичной реакции. И именно публичная реакция является целью создания этой новой основной продукции такого ученого – представления для публики.

Суть смены ценностных и поведенческих установок состоит в переходе части ученых из лагеря *“цеховиков”* в лагерь *“презентаторов”*, “шоу-ученых”. Следовательно, происходит (или уже произошло) *расщепление, бифуркация* научного сообщества: те, кто продолжают сохранять прежние ценности науки, живут и работают в соответствии с ними, считая себя *полноценными* людьми науки, обнаруживают рядом с собой не менее полноценных и убежденных в своих самооценках ученых, но работающих в *другой* науке, имеющих другие цели, другие ценностные установки и реализующих другое поведение.

Новый стиль поведения ученого генетически связан уже не столько с процессом производства научного знания, как это имеет место для типа классического ученого, сколько с продуманными и вариативными процедурами предъявления этого знания обществу. Изменился ключевой (целевой) признак, являющийся стержнем, вокруг которого выстраиваются и научный этос, и принципы научной карьеры ученого. “Производство научного знания” из цели профессиональной деятельности переходит в разряд ее средств, а целью становится презентация продуктов научного знания профанам – обществу и его значимым (для научного сообщества) представителям. Следовательно, в сознании ученого место исходных целей классической науки заступают другие. Если первые – корпоративные, внутринаучные (поиск и добыча знания, имеющего самоценный статус), то вторые – внешние, связанные определяющим действием социальных факторов. Не наблюдаем ли мы здесь побочные результаты чрезмерно далеко зашедшего процесса дифференциации научной профессии, когда ее дериватные формы начинают приобретать институциональные признаки? Или мы просто зафиксировали увеличение в научной среде числа тех ученых, которые добровольно избирают для себя роль, подобную пресловутой роли “бульдога Дарвина”, сделавшей Э. Геккеля на длительное время более знаменитой личностью, чем это сделали его узкоспециальные исследования, даже в профессиональном сообществе? По-видимому,

Created with novaPDF Printer (www.novaPDF.com)

ни то, ни другое в чистом виде, поскольку это лишь признаки формирования новой системы ценностей в качестве ключевой для самой науки, а не для ее периферии.

Различение должно относиться как к целям профессиональной деятельности ученого, так и к способам достижения этих целей (инструментальным, внутрипрофессиональным и социальным), а также к представлениям самого носителя данного типа поведения в науке об индивидуальных качествах, необходимых ему для соответствия выбранному образцу, а также о поведенческом паттерне, которому необходимо следовать, чтобы удовлетворять ценностным ожиданиям сообщества. В рамках заданного различения классический тип поведения в науке как ориентированный преимущественно на соответствие внутринаучным образцам и стандартам может быть определен как *цеховой*, а носитель его – как безусловно разделяющий идеологию и этические принципы *Гильдии ученых,* или *научного Цеха* (в смысле, близком к тому, который имеет в виду П.П. Гайденко, обсуждая институциональные признаки классического сообщества ученых [4]). Второй тип поведения может быть описан весьма грубо в терминах *презентатора*, или *шоу-ученого*, для которого в его научной деятельности более важной является внешняя (второстепенная с классической точки зрения) сторона профессионального поведения – презентация полученного знания.

В конечном счете, однако, оба типа поведения, какие бы жизненные цели ни ставили перед собой их носители, преследуют один результат: получить средства к существованию за счет науки. В первом, *классическом*, случае это достигается опосредованно, с использованием уже созданных институциональных структур, связывающих ученого с внешним миром и источниками ресурсов в том виде, как они сложились к середине XX в., и с той системой защиты, которая с тех пор предохраняет ученого не только от экономических рисков внешнего мира, но и от необходимости самостоятельного ценностного выбора. При втором, *презентационном*, стиле поведения необходимые ресурсы добываются непосредственно самим ученым – путем организации и проведения специализированного шоу, за которое удовлетворенная публика склонна платить как за спектакль. (Надо сказать, что когда в роли публики выступает государство, платить оно склонно за избавление от страхов, напускаемых на него теми же самыми людьми, которые занимаются и избавлением от них, – эдакая контаминация с ролью психоаналитика.) При выборе второго типа профессионального поведения цели производства научного знания могут сохранять самое важное значение, но на первый план выдвигается все-

Created with novaPDF Printer (www.novaPDF.com)

таки именно презентация полученного знания, поскольку только она позволяет ученому обеспечить финансовыми средствами свой научный поиск в будущем. Именно в связи с этим можно предполагать, что достаточное распространение презентационного стиля научного поведения в научных сообществах США и Западной Европы по сравнению с весьма робкими его проявлениями в нашей науке обязано распространению таких институциональных форм, как научные фонды и грантовое финансирование, сравнительно новых для отечественной науки (несмотря на только что отмеченное десятилетие создания Российского фонда фундаментальных исследований).

Можно представить некоторые дифференцирующие признаки цехового и презентационного типов профессионального поведения ученого. Для цехового ученого характерны отношение к науке как к важнейшему общественному институту, призванному со временем решить все основные проблемы человечества, крайний сциентизм и техницизм, позитивизм, вера в научно-технический прогресс, указывающий вектор социального прогресса. Рост научного знания для такого ученого есть отражение прогресса общества, а производство научного знания и на его основе установление законов природы – цель науки. Научное сообщество – полузакрытая (защищенная сложной системой “фильтров”) профессиональная организация – Цех или Гильдия, доступ в которую требует длительной специальной подготовки, личного участия наставника, преданности выбранной профессии в течение всей жизни. Еще в университете (а нередко даже раньше) он должен выбрать себе научную специальность и оставаться верным ей навсегда. Лучше, если его дети и внуки пойдут по его стопам, создав, таким образом, научную династию. Сохраняя верность своему Цеху, ученый имеет больше шансов сделать успешную научную карьеру, приобрести звания, известность, влияние, а возможно, и власть.

Для презентационного типа поведения характерны релятивизм и социальный оптимизм. Ученый сомневается во всесилии науки и ее способности неуклонно вести человечество в светлое будущее. Он обнаруживает, что чрезмерная приверженность одной идее и одной теме превращает человека в фанатика дела, лишенного способности к приспособлению. Диверсификация источников ресурсов в многополярном экономическом пространстве предоставляет ему тем больше шансов на успех, чем лучше он организует и предъявит тот фокус, который называется “новое научное знание”. Чем зрелищнее, эмоциональнее, убедительнее вы представите результаты своей работы, тем больше

Created with novaPDF Printer (www.novaPDF.com)

у вас шансов получить дополнительные ресурсы, не только в денежной форме, но и в форме влияния и приближенности к власти. Эти дополнительные ресурсы по принципу положительной обратной связи приносят еще больше влияния и денег, так что к концу своей презентационной карьеры вы можете совсем забыть про такую вещь, как "производство научного знания".

Предлагаемая типология научного поведения должна базироваться не только на институциональных критериях, но также на социальных критериях, которые могут рассматриваться частью как факторы, частью как дискриминанты профессионального поведения ученого. В этом смысле типологически она оказывается родственной типологиям *социального характера* Д. Рисмена или *ценностного выбора* Р. Инглехарта. Действительно, можно провести определенную аналогию между *цеховым* стилем в науке и *ориентированным-на-себя индустриальным* типом социального характера по классификации Рисмена или *материалистическим* типом ценностного выбора Инглехарта. *Презентационному* стилю более соответствует *ориентированный-на-других модернистский* тип социального характера и *постматериалистический* тип ценностного выбора. Целый ряд социальных аттитюдов, отражающих отношение человека к своему окружению, работе, различным социальным, экономическим и политическим институтам, оказываются сходными в первом, втором и третьем случаях типологических различений. Это говорит о том, что за профессиональными установками и стилями поведения стоят более широкие мировоззренческие подходы.

Описанная картина дизруптивного процесса ценностных трансформаций академического научного сообщества легко представима в катастрофической модели (бифуркация "складки"). Заданные в такой модели в качестве обобщенных факторов параметры "экономической нестабильности" и "ценностной диверсификации научного сообщества" ответственны за сдвиг части сообщества в маргинальную зону (в случае первого фактора – экономической нестабильности) и развитие катастрофы "складки" при переходе от классического "цехового" типа к "презентационному" (в случае ценностной диверсификации). Это, если угодно, бунт на академическом судне.

Столь утрированные образы двух типов ученых понадобились мне для более отчетливой формулировки заключительного вывода. Наблюдаемый процесс размывания и маргинализации научного сообщества (переход части ученых в статус "лишних людей" при сохранении значитель-

Created with novaPDF Printer (www.novaPDF.com)

ного ядра “настоящих ученых”) – не столь опасный для классической науки по сравнению с процессом внутреннего расщепления сообщества, его раскола на две по-разному ценностно-ориентированные группы. Это уже признаки становления новой науки – не *неклассической* науки, а *науки-для-публики* (или *эстрадной* науки). И эти признаки достаточно отчетливы. Они зафиксированы уже не только в примерах перехода части ученых на новые ценностные социально-профессиональные позиции, но и в той все накаляющейся борьбе, которую классическая наука (прежде всего в лице Российской академии наук) вынуждена вести на широком фронте с “ненаучными сорняками” – псевдо-, квази- и паранаукой, которые пока еще апеллируют к ее авторитету.

Совсем в недалеком будущем мы можем получить две разные науки, в равной степени претендующие на внимание и поддержку со стороны общества и государства, в равной степени демонстрирующие свою способность решать проблемы, предвидеть и преодолевать надвигающиеся угрозы (неважно, реальные или мнимые). Основанием для проведения различия между ними будут только разные социально-профессиональные ценностные установки ученых (а в некоторых случаях и легко адаптируемые лабильные установки). Но долго ли продлится такое внутриинституциональное расщепленное состояние, или, говоря научным языком, состояние бифуркации?

* * *

Автор признателен кандидату философских наук Н.Н. Семеновой и доктору физико-математических наук, профессору Ю.И. Кулакову за плодотворное и заинтересованное обсуждение данной работы, сделанные замечания и комментарии.

Примечания

1. См.: *Плюснин Ю.М.* Цеховая психология ученого, или О верности однажды выбранной специальности // Науковедение. – 2003. – № 1 (17). – С. 101–110.

2. См.: *Плюснин Ю.М.* “Лишние люди” в науке: Опыт социально-психологического расследования // Науковедение. – 1999. – № 1. – С. 7–19.

3. См.: *Плюснин Ю.М.* Цеховая психология ученого…

4. См.: *Гайденко П.П.* Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.). – М., 1987.

Объединенный институт
истории, филологии и философии,
г. Новосибирск

Created with novaPDF Printer (www.novaPDF.com)